

ОБНОВЛЕНЧЕСКИЙ РАСКОЛ В РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ: ПРОБЛЕМА ОЦЕНКИ (НА ПРИМЕРЕ ГОМЕЛЬСКОГО РЕГИОНА)

Обновленческий раскол 1920-х гг. усугубил трагедию советского периода в истории Русской Православной Церкви (РПЦ) и уже не вызывает сомнения то, что он был инспирирован ВЧК-ОГПУ с целью подрыва церкви изнутри и дискредитации духовенства в глазах верующих. Ситуация осложнялась тем обстоятельством, что обновленческий Синод был признан некоторыми восточными патриархами, в частности Константинопольским Патриархом.

Спорным для историков остается вопрос, было ли обновленчество 1920-х гг. генетически связано с либеральным церковным движением начала XX в. Сравнивая идеологию обновленцев и «группы 32-х» следует учитывать исторический контекст и условия, в которых развивались эти движения. Для церковных либералов начала XX в. («группа 32-х» – крайне левая на их фоне) важно было отстоять главный канонический принцип Церкви – ее соборность. Это позволило бы с одной стороны освободиться от «коварного попечения» о Церкви со стороны государства, с другой стороны – обрести свой собственный голос. Для обновленцев 1920-х гг. так называемая «реформа», ими задуманная, напротив, толкала Церковь в новую государственную кабалу, но теперь это была зависимость от государства атеистического. Церковные либералы начала XX в. не замахивались на канонические и догматические устои Церкви. Обновленцы 1920-х гг. именно это поставили во главу угла своей программы.

При оценке обновленчества следует учитывать, что в его рядах были и рядовые священники, далекие от политики, и карьеристы, и идейные модернисты. Характерна оценка обновленчества писателем В. Шаламовым, отец которого был священником и горячим сторонником обновленчества. Писатель подчеркивал, что у этого движения были «другие истоки и пути, чем пути реализации философских исканий русского священства» в начале XX в. [9, с.107]. Восторгаясь А. Введенским, лидером «Союза общин Древлеапостольской Церкви», В. Шаламов отмечал, как достоинство, светский характер его проповедей и выступлений на диспутах, не видя, при этом, ничего не каноничного в действиях церковных реформаторов, таких, например, как канонизация А. Введенским собственной матери [9, с.109]. Не смущала В. Шаламова христология А. Введенского, в рамках которой Христос – «земной революционер невиданного масштаба» [9, с. 111].

Почва для антицерковной идеологической диверсии, организованной VI отделом ОГПУ, была подготовлена именно таким радикально настроенным духовенством, о мировоззрении которого красноречиво свидетельствует дело гомельского священника, популярного проповедника, общественного деятеля, историка о. Федора Жудро. Арестованный за участие в Стрекопытовском мятеже, о. Федор в своем

заявлении на имя товарища комиссара юстиции отмечал: «Ни по складу своих убеждений, ни по своим действиям я не принадлежал и не принадлежу к противникам революции. Знакомый с социалистической литературой еще со школьной скамьи, я ясно видел, что непреложные законы человеческого развития ведут к крушению капиталистического строя и утверждению социализма» [1, л.6]. Об умонастроении убежденных обновленцев 1920-х гг. могут свидетельствовать некоторые положения проповеди «левого священника» Федора Жудро: «Вспомним, как Христос относился к неравномерному распределению благ земных. «Горе вам, богатые, горе вам, пресыщенные»... Братие, нынешняя власть наша борется всеми силами с неравномерным распределением земных благ, так называемым капиталистическим строем, за коммунизм, за уничтожение собственности и обобщение имений. ... Не верьте же тем людям, которые говорят, что коммунизм – учение противохристианское» [1, л. 5]. Постановлением Гомельского губревтрибунала от 25 октября 1919 г. священник Федор Жудро был освобожден досрочно [1, л. 1-4; 7, с. 289].

О том, какие задачи ставились перед обновленцами советскими спецслужбами, говорит факт подготовки показательного суда над патриархом Тихоном (Белавиным). 29 апреля 1923 г. II обновленческий «Поместный Собор» в храме Христа Спасителя в Москве объявил об извержении патриарха Тихона из сана и лишении его монашества. Партийное руководство подчеркивало: «Мы осудили Тихона не как патриарха, не как священника, а как политического преступника, контрреволюционера, как врага рабоче-крестьянской власти. Решение собора должно показать, что все обвинения по нашему адресу в том, что мы притесняем религию, преследуем духовенство есть сплошная клевета». В то же время партийные циркуляры в отношении обновленчества отмечали, что покровительствовать «новой церкви» власть не собирается, несмотря на то, что она перестала быть контрреволюционной и осудила патриарха, назвав себя «Живой Церковью», однако «все равно является носительницей религиозного дурмана» [8, л. 55]. Последующие репрессивные меры, предпринятые как против сторонников патриаршей Церкви, так и против раскольников свидетельствуют о том, что большевистское руководство вообще не собиралось идейно сотрудничать с какой-либо церковью.

Связь лидеров обновленчества с советскими спецслужбами служит еще одним доказательством провокационного характера обновленческих «реформ». Многие обновленческие приходы существовали только потому, что священники-обновленцы получали регистрацию, а тихоновцы – нет. В 1928 г. с санкции ГПУ в распоряжение обновленцев Гомеля был отдан кафедральный Свято-Петро-Павловский собор [10, с. 96-97]. Поездка по Белоруссии идеолога обновленчества А. Введенского контролировалась лично Е.А. Тучковым, начальником VI отдела ОГПУ, в компетенции которого находилась агентурно-оперативная работа с церковниками [4, с. 48]. Однако афиширование контактов со спецслужбами было нежелательно, поэтому белорусское руководство ГПУ обратилось в VI отдел ОГПУ с просьбой убрать гомельского уполномоченного Сергея Канарского с занимаемой должности, поскольку «Канарский почти не прячет своей связи с органами ОГПУ и на работе применяет методы совсем недопустимые и компрометирующие органы ОГПУ» [5, с. 18].

Итогом работы Поместного Собора 1917-1918 гг. стало не просто восстановление Патриаршества, но закрепление канонических основ РПЦ, опираясь на которые стало возможным уже в условиях гонения со стороны большевистского руководства противостоять разложению и уничтожению РПЦ в СССР. После освобождения патриарха Тихона из-под ареста (июль 1923 г.) отправшие в обновленчество иерархи и духовенство стали массово возвращаться под патриарший омофор. Немаловажную роль в этом процессе сыграла позиция мирян. Многие священники перешли к «тихоновцам» под давлением своих приходов. В протоколе совещания агитпропа (АПО) Гомельского губкома от 23 января 1926 г. отмечалось, что с 1922 г. в губернии побывало около 7 епископов (обновленцев) «и все они своим поведением (пьянство и т.д.) окончательно себя скомпрометировали в глазах верующих и были прогнаны» [6, л. 74]. Конфликты с весьма одиозными личностями из среды обновленцев, как, например, «епископ» Симеон Канарский, «архиепископ» Алексий Дьяконов, «епископ» Варлаам (Покровский), священник Николай Дудкин, не добавляли обновленцам популярности в народе. В гомельских губернских отчетах ГПУ и АПО констатируется, не без озабоченности, что обновленческие группы быстро распадаются: «Объясняется это тем, что служители религиозного культа шли в обновленчество целыми пачками» в надежде получить покровительство власти, но, «убедившись, что никакой выгоды не получали, быстро исчезали» [6, л. 74]. Не следует забывать, что большинство белого духовенства были аполитичны и многие, не разобравшись в хитросплетениях антицерковной политики большевиков, считая обновленческий Синод единственной легальной церковной властью (а так оно и было до освобождения патриарха), переходили в обновленчество, не разделяя его идеологию.

Путаницу в систему церковного управления добавляло то обстоятельство, что до революции Гомельское викариатство, образованное в 1907 г., входило в Могилевскую епархию. В 1919 г. была образована Гомельская губерния в составе РСФСР. Таким образом, границы административные и церковные не совпадали.

О драматизме этого периода истории РПЦ можно судить по тому, как непросто было разобраться в сложившейся ситуации даже духовно опытным пастырям. Так, например, многими уважаемый епископ Варлаам (Ряшенцев) 27 июля 1922 г. принял участие в первом собрании обновленцев в Могилеве, будучи тогда епископом Мстиславским, викарным епископом Могилевской епархии. После освобождения патриарха Тихона епископ Варлаам принёс покаяние. На время уклонялся в обновленчество другой популярный в народе Мозырский епископ Иоанн (Пашин). Оба епископа впоследствии многое сделали для борьбы с расколом. Гомельский священник Павел Гинтовт примкнул к «Живой церкви», позже к группе «Союз общин Древлеапостольской Церкви» и стал одним из руководителей обновленческого движения на Гомельщине в 1922 – 1924 гг., но разобравшись в сути обновленчества, энергично боролся с последствиями раскола. В 1933 г. за бескомпромиссную позицию в отношении обновленчества о. Павел Гинтовт был расстрелян [7, с. 86].

Нередко личные отношения осложняли процесс восстановления церковного единства. Промыслительным стало недавнее обретение дневниковых записей гомельского священника о. Петра Рылло, расстрелянного

в ночь на 1 ноября 1937 г. в числе других гомельских священников, проходивших по «делу церковников». В 1920-е гг. о. Петр служил в Свято-Никольской (Полесской) церкви г. Гомеля. Официально примкнув к обновленцам, он, однако, себя идейным сторонником «Живой церкви» не считал. Борьба же за возвращение гомельских приходов в патриаршую церковь нередко оборачивалась борьбой честолюбий. Вот как описывает события 1924 года о. Петр: «Гомельское духовенство, убедившись с одной стороны, что обновленчество пошло по сектантскому пути, с другой, будучи побуждаемо верующими, решило оставить обновленчество и воссоединиться с патриархом Тихоном. Кто был инициатором воссоединения – не знаю. Может быть о. А. Зыков, который был идеологом обновленчества на Гомельщине и вообще в Могилевщине, может кто другой, но факт, что сдвиг был сделан. Среди духовенства разговоры о воссоединении были, но от меня это держалось в тайне. Только через некоторое время я узнаю от своих прихожан, что воссоединение гомельских приходов во главе со своим духовенством уже свершившийся факт, и что протоиерей С. Романкевич назначен уполномоченным по воссоединению. Поведение духовенства, ни словом не обмолвившегося со мною, меня возмутило. Через две недели или несколько позже после воссоединения гомельских пастырей подаю Романкевичу свое заявление о принятии меня и моего прихода в молитвенно-каноническое общение. Романкевич находит, что для меня недостаточно одного заявления, ему хочется моего унижения. Заявляю ему, что я обойдусь и без его посредства» [2, л. 72-73].

В апреле 1925 г. в Гомель прибыл новый епископ Тихон (Шарапов), посланный патриархом Тихоном для борьбы с обновленчеством. Вскоре в Москву от гомельских органов власти в ОГПУ поступило следующее секретное донесение: «...епископ Тихон своими действиями окончательно ликвидирует оставшиеся еще в Гомельской губернии обновленческие приходы, каковых еще имеется до 25 по губернии. Так как в каждом обновленческом приходе есть некоторая часть мирян, стоящих за тихоновщину и стоит епископу Тихону появиться – через часа 2-3, он уже повел за собой остальных мирян, которые заставляют попа повиноваться епископу Тихону, в противном случае отлучают от церкви. В случае замедления ответа будем принуждены прибегнуть к аресту его...» [Косик, с. 59]. В протоколе совещания АПО Гомельского губкома по вопросам антирелигиозной пропаганды от 23 января 1926 г. отмечалось, что своей антиобновленческой деятельностью епископ Тихон восстановил против себя часть духовенства, но укрепил свой авторитет в глазах верующих [6, л. 75].

О. Петр Рылло неоднозначно оценивал действия епископа Тихона (Шарапова), называя его «жестоким монахом» [2, л. 76]. У о. Петра несчастливо сложилась семейная жизнь. Жена неоднократно писала на своего мужа-священника доносы, в том числе и на имя епископа Тихона (Шарапова). Архиерей, не разобравшись в сути конфликта супругов, только на основании личного предубеждения запретил на время в служении о. Петра. Честь священника была восстановлена благодаря прихожанам Полесской церкви и компромиссу: о. Петр вынужден был исповедаться у о. Павла Левашева (один из немногих гомельских священников, не уклонившийся в обновленчество) и принести публичное покаяние на второй день Пасхи 1925 г. [2, л. 74-76].

В итоге обновленчество деградировало как модернистский проект радикально настроенного духовенства и провалилось как провокационный проект ОГПУ. Единство РПЦ удалось сохранить, хотя и ценой огромных потерь в условиях беспрецедентных репрессий в отношении духовенства и верующих. Нередко в одной расстрельной яме оказывались и те, кто уклонялся в обновленчество, и те, кто боролся с расколом, и те, кто не признавал власть митрополита Сергия (Страгородского), и те, кто отрекся от священнического сана, как это было в Гомеле в ночь на 1 ноября 1937 г.

Литература:

1. Дело по обвинению Жудро Ф.В. в участии в Стрекопытовском мятеже. 7 октября 1919 – 25 октября 1919 // Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Ф.100. – Оп. 1. – Д. 598.
2. Дневник о. Петра Рылло (рукопись) // Личный архив протоиерея Гомельской епархии Александра Лопушанского.
3. Косик, О.В. Голоса из России: Очерки истории сбора и передачи за границу информации о положении Церкви в СССР (1920-е – начало 1930-х годов) / О.В. Косик. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2011. – 280 с.
4. Навіцкі, У.І. Палітыка расколу рускай праваслаўнай царквы ў Беларусі (1920-я гг.). // Беларускі гістарычны часопіс. – 2003. – № 2. – С. 40-48.
5. Навіцкі, У.І. Палітыка расколу рускай праваслаўнай царквы ў Беларусі (1920-я гг.). // Беларускі гістарычны часопіс. – 2003. – № 3. – С. 18-24.
6. Переписка укома ВКП(б) с партийными и советскими органами. 1925-1926 // ГАООГО. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 818.
7. Слесарев, А.В. Мартиролог Гомельской епархии (1917 – 1953): биографический справочник / авт.-сост. А.В. Слесарев. – Жировичи: Издательство Минской духовной академии, 2017. – 339 с.
8. Циркуляр ЦК, губкома об антирелигиозной пропаганде. 1923 // ГАООГО. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 338.
9. Шаламов, В.Т. Четвертая Вологда // Шаламов, В.Т. Колымские рассказы: новости, рассказы / Варлам Шаламов. – М.: Эксмо, 2010. – 656 с.
10. Шиленок, Дмитрий, священник. Из истории Православной Церкви в Белоруссии (1922 – 1939): («Обновленческий» раскол в Белоруссии) / священник Дмитрий Шиленок. – М.: Издательство Крутицкого подворья, 2006. – 217 с.